

С. М. Волошина

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

III ОТДЕЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ПРОВЕДЕНИЯ ГРАНИЦ МЕЖДУ «ОБЫЧНЫМ» И «СТРАННЫМ»: «СТРАННЫЕ» ДЕЛА ПИСАТЕЛЯ В. В. КРЕСТОВСКОГО

Аннотация. Некоторые из официальных функций III Отделения были артикулированы так общо и абстрактно, что расширяли сферу полномочий этого института вплоть до наблюдения за всем происходящим в Российской империи. III Отделение было задумано Николаем I как учреждение, действующее принципиально вне существующего в Российской империи законодательства и подчиненное напрямую императору. Таким образом, критерии для принятия III Отделением решений находились часто не в объективных законах или уставах, а в субъективном понимании этического его служащими. III Отделение представляет для исследователя особый интерес как уникальный институт, в компетенцию которого входила локализация границы обычного, трактуемого как приемлемое, «благонамеренное», и необычного, а потому подозрительного и потенциально опасного для государства. В статье рассматривается несколько дел III Отделения (впервые введенных в научный оборот) о наблюдении за писателем В. В. Крестовским. «Дела» о Крестовском как представителе сообщества литераторов, в оптике власти — традиционных носителей «странного», — могут быть интересным объектом для рассмотрения упомянутого механизма действия тайной полиции.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: история России XIX в., история цензуры, III Отделение, Третье отделение, В. В. Крестовский, «Отечественные записки»

Для цитирования: Волошина С. М. III Отделение как институт проведения границ между «обычным» и «странным»: «странные» дела писателя В. В. Крестовского // Шаги/Steps. Т. 6. № 4. 2020. С. 9–27. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-9-27.

*Статья поступила в редакцию 17 февраля 2020 г.
Принято к печати 17 апреля 2020 г.*

S. M. Voloshina

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

THE THIRD SECTION AS AN INSTITUTION FOR DRAWING BOUNDARIES BETWEEN THE “ORDINARY” AND THE “STRANGE”: THE “STRANGE” FILES ON THE WRITER V. V. KRESTOVSKY

Abstract. Several functions of the Third Section were articulated in such a vague and abstract way that they actually extended the scope of authority and influence of this institution to the point of observing literally all incidents and occurrences countrywide. Nicholas I conceived the Third Section as an institution that would operate outside of and without regard for the existing legislation of the Russian Empire and would report directly to the Emperor. Thus, the criteria for decision-making by the Third Section often were based not on objective laws or statutes, but on the subjective understanding of the ethical by its staff. The Third Section can be of particular interest to a researcher if viewed as a unique institution the competence of which included localizing the borderline between the ordinary, interpreted as the acceptable, “well-intentioned”, and the unusual, and therefore suspicious and potentially dangerous for the state. The article deals with several files of the Third Section (introduced here into scientific circulation for the first time) on surveillance of the writer V. V. Krestovsky. Krestovsky was regarded as an agent of the “writers’ league”, traditionally perceived by the authorities as an embodiment of “the strange”, thus making his case an interesting object for analyzing the secret police machinery.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: history of 19th century Russia, history of censorship, the Third Section, V. V. Krestovsky, *Notes of the Fatherland*

To cite this article: Voloshina, S. M. (2020). The Third Section as an institution for drawing boundaries between the “ordinary” and the “strange”: The “strange” files on the writer V. V. Krestovsky. *Shagi / Steps*, 6(4), 9–27. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-9-27.

Received February 17, 2020

Accepted April 17, 2020

Среди множества разнообразных функций и целей, закрепленных за III Отделением С. Е. И. В. канцелярии. (1826–1880) при его создании, часть имела ясно и локально сформулированную сферу действия. Однако некоторые его функции были артикулированы так общо и неконкретно, что давали возможность их предельно широкого толкования.

«Круг обязанностей III Отделения был, как известно, весьма обширен», — справедливо отмечают авторы предисловия к сборнику отчетов III Отделения, упоминая среди прочего и сбор сведений «о всех без исключения происшествиях», и наблюдение «за мнением общим и духом народным» [Сидорова, Щербакова 2006: 6]. Вполне возможно, что подобная неясная формулировка была намечена администрацией программно, с целью обеспечить это отделение Собственной канцелярии неограниченными полномочиями следить за всеми сферами жизни императорских подданных и вмешиваться в них.

Из четырех экспедиций, изначально составлявших III Отделение, вторая следила за деятельностью религиозных конфессий и сект и занималась особо серьезными политическими преступлениями; заведовала «политическими» тюрьмами (Алексеевским равелином, Петропавловской крепостью и т. д.); собирала сведения о деятельности различных обществ и организаций (культурных, просветительских, экономических, страховых), об изобретениях; разбирала жалобы, доносы и прошения «на Высочайшее Имя»; рассматривала дела о фальшивых деньгах и документах; занималась комплектованием штатов отделения, а также надзирала за ведением гражданских дел (о разделе земель и имущества, нравственности и пр.).

Третья экспедиция (с 1826 по 1866 г.) занималась контрразведкой, «всеми постановлениями и распоряжениями об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из одного выезжающих».

Четвертая собирала и систематизировала сведения о чрезвычайных происшествиях в империи (пожарах, эпидемиях, грабежах, убийствах); занималась крестьянскими вопросами, донесениями из действующей армии во время военных действий; боролась с контрабандой и злоупотреблениями администрации на местах.

Позже, в 1842 г., была создана специальная экспедиция, наблюдавшая за цензурой.

Что касается первой экспедиции, как раз ее функции были определены гораздо шире — и разнообразнее. Она вела наблюдение за общественным мнением («мнением общим и духом народным»), деятелями культуры, литературы, науки. Помимо этого, экспедиция занималась организацией политического сыска и следствия, осуществлением репрессивных мер (заключением в крепость, ссылкой на поселение, высылкой под надзор полиции), сбором сведений о злоупотреблениях высших и местных государственных чиновников, ходе дворянских выборов, рекрутских наборов и т. д. [Миرونенко, Фриз 1994].

При этом, однако, ни определения «происшествий», позволившего бы провести грань между обычным и экстраординарным, ни тем более нормального состояния «духа народного», на фоне которого были бы заметны какие-либо его девиации, нормативные документы в III Отделении не давали.

Этот недостаток объективно прописанных норм, уставов и регламентаций привел к неизбежному, но не совсем очевидному следствию: при выполнении своих должностных обязанностей служащие III Отделения часто опирались на собственные, субъективные этические воззрения, образование и жизненный опыт, самостоятельно, *ad hoc* проводя границу между приемлемым, благонадежным, и тем, что можно было назвать «происшествием», чем-то странным, а значит, подозрительным. Это странное, выбивающееся из привычной рутины, становилось объектом пристального наблюдения и предметом отчетов, записок и докладов агентов.

Стоит отметить, что расширяющийся до безграничности круг действия III Отделения привел к тому, что определение его общих целей и функций частично заменили мифы. Хорошо известен, широко цитировался и пересказывался современниками и потомками апокриф о белом платке, якобы выданном Николаем I первому начальнику ведомства графу Бенкендорфу — чтоб тот утирал слезы несправедливо обиженных (см., например: [Инструкция 1889: 398]). Этот ответ самодержца последовал на просьбу «писанного приказа, как ему действовать», т. е. вместо инструкции был явлен символ, относящийся к области эмоций (слезы) и субъективной этике, личной добродетели (белый цвет и чистота). Таким образом, наряду с ясно определенными функциями III Отделения существовала обширная «серая область», не подлежавшая четкой регламентации и во многом относившаяся к области личных, этико-эмоциональных воззрений его работников.

Сугубо личный, «штучный» характер работы III Отделения и его отношения к «пастве» определялся и весьма немногочисленным его составом (20 человек при создании учреждения и 58 при его упразднении [Сидорова 1995: 9]) и постоянством: служащие там обычно не меняли место работы.

Помимо III Отделения, частью высшей полиции был и Корпус жандармов — «воинское соединение с правами армии, деятельность которого регламентировалась “Положением о Корпусе жандармов”» [Сидорова, Щербаква 2006: 7].

Стоит отметить также весьма показательное разделение должностных инструкций: «Положение о корпусе жандармов» (действующее с 1 июля 1836 г.), помимо (относительно) точного регламента его организации и структуры, включало перечень обязанностей нижних жандармских чинов (например, сопровождать «необыкновенных» арестантов, «усмирять буйства», смотреть за порядком во время массовых скоплений народа и т. п.). Однако при этом высшие чины — губернские штаб-офицеры — в своей деятельности должны были ориентироваться на «особые инструкции шефа жандармов», «не ограничиваясь по существу никакими законодательными нормами, так как ни их конкретные права, ни взаимоотношения с местным начальством не были точно оговорены вплоть до введения “Правил о порядке действия чинов Корпуса жандармов” 1871 г.» [Там же: 7].

Вероятно, эта вне- (или над)законная сфера деятельности III Отделения была не столько упущением или результатом небрежения деспотической власти, самодержавно не обеспокоенной четким регламентом и рамками полномочий, делегированных отделению своей собственной канцелярии, сколько программной попыткой вмешательства в неэффективно функционирующее законодательство.

Обилие законов, их запутанность и оттого частая затрудненность легитимного пути «к истине» во второй трети XIX в. стала так очевидна, что вошла в проблематику художественных произведений. Серапион Мардарьич Градобоев, городничий из пьесы А. Н. Островского «Горячее сердце» (1868), угрожает судить «по законам» («Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их еще в других местах!.. И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие»), чем вызывает ужас у горожан [Островский 1974: 116–117]. Любопытно, что горожане в упомянутой комедии просят, чтоб их судили не по законам, а «по душе»; именно к этому и были призваны служащие III Отделения. «Учреждение это было вызвано самыми благими намерениями: при чрезвычайном обилии, несогласности и взаимном противоречии законов (...) необходимо было дать народу возможности скорого решения дел», — писал комментатор к инструкции Бенкендорфа жандармам [Инструкция 1889: 396–397].

Таким образом, III Отделение выступало, наряду с большим числом прочих обязанностей, и как уникальный институт, который, полагаясь во многом на субъективное мнение своих агентов, локализовал границы приемлемого, «благонамеренного», т. е. обычного, — и экстраординарного, а потому подозрительного и выходящего за рамки дозволенного.

Количество дел в архивах III Отделения, относящихся к предметам не запрещенным, но «странным», весьма обширно, поэтому целесообразно сфокусироваться на одной из их «подрубрик», а именно наблюдений за литераторами. Рассматриваемые ниже дела не касаются каких-либо противоправных или явно «революционных» действий литераторов; агенты, ведя наблюдение, записывали лишь те поступки, что казались им «экстраординарными». Необходимо отметить, что большинство дел о «странном» хранится не в архивах экспедиций, а в особом секретном архиве, что свидетельствует об их важности в глазах администрации тайной полиции.

С самого начала деятельности III Отделения наиболее важные документы, полученные из разных подразделений, не сдавались в общий архив, а хранились особо, у главного начальника или управляющего III Отделением. Вместе с документами личного архива этих последних они составили секретный архив III Отделения С. Е. И. В. канцелярии. Поскольку степень важности документов вновь определялась не регламентацией, а ситуативными ощущениями администрации, характер этих документов очень разнообразен: письма, донесения, доклады (в том числе агентурные), отчеты, служебная переписка, рукописи, журнальные статьи, литературные произведения и выписки из перлюстрированных писем.

Трудно сказать, казались ли действия литераторов агентам действительно необычными или же даже конвенциональным их действиям приписывались необычные мотивы, не согласующиеся с традиционными интенциями «благонамеренных» граждан.

Несколько дел начала 1870-х годов связаны с посещением литераторами определенных могил на кладбище. Так, в деле под названием «Агентурные донесения о наблюдении за “Волковским кладбищем”», о похоронах писателя Решетникова и о систематическом посещении Благосветловым Г. Е., Стефановским, Спешневым и др. могил Белинского В. Г., Добролюбова Н. А.,

Писарева Д. И.» агент N 16 апреля 1871 г. сообщал следующее (особенности орфографии и пунктуация в этом и последующих донесениях сохранены):

Посещая очень часто Волково кладбище, — замечено мною, что там на могилах: Белинского, Добролюбова, Писарева и Решетникова бывает много посетителей, — в числе коих замечаются: Благовосветлов, Стефановский, Спешнев, Майков и большою частью личности имеющие претензию на нигилизм [Агентурные донесения 1871: Л. 4].

Вероятно, об обыкновении наблюдать за определенными могилами литераторы знали, поэтому большую часть приходящих на похороны их коллег составляли, кажется, агенты III Отделения. Тот же N 13 марта 1871 г. записал:

На похоронах Решетникова ничего не было, — народу было очень мало. Студенты и несколько человек фельетонистов. Из старых литераторов никого не было; речей никаких не произнесли. Похоронен рядом с могилами Добролюбова, Писарева и Белинского [Там же: Л. 1].

Следующая записка о тех же похоронах, помеченная 16 марта 1871 г., подтверждает: литераторы знали о слежке за всеми их действиями. (Интересно, что отчет написан другим почерком и подписан инициалами Д. Е.: о посещениях могил на Волковом кладбище докладывали одновременно несколько агентов.)

На похоронах Решетникова на Волковом кладбище при опускании в могилу, хотели говорить речь, но были кем-то предупреждены. Когда расходились то можно было слышать что все провожавшее общество очень недовольно тем что следят за ними, и, что каждый боялся чтобы по примеру того лица говорившего речь на могиле Писарева которой по словам провожавших выслан административным порядком в Вологодскую губернию. Вообще был ропот на правительство за плохую поддержку ученых-литераторов [Там же: Л. 3].

Сохранилась и запись об этих же похоронах третьего агента (подписавшегося «А. К.»), ценного, вероятно, тем, что он знал в лицо провожавших литератора Решетникова в последний путь. В записке от 13 марта он сообщает фамилии виденных им студентов Медицинской академии и что

...тело покойного несено было из квартиры его, вплоть до Волкова кладбища, на руках, обедня была заказная в Церкви Спаса, погребен был в 6 разряде при опускании тела в землю, речей никаких не было сказано, поминок тоже не укаго назначено после погребения все тотчас же разъехались подомам [Там же: Л. 9].

В следующем по хронологии деле агент подробно, на трех листах, рассказывает о посещении студентами могил Добролюбова, Белинского, Писарева и Решетникова. Эта записка может дать довольно рельефное

представление о методах работы и приемах наблюдения агентов и достойна цитирования полностью.

24 ноября агент (точнее, агенты: в конце записки стоят несколько инициалов-подписей) сообщал:

Съезжаты на могилу Добролюбова, Белинского, Писарева и Решетникова начали в 1-м часу пополудни; первыми приехали Студенты Медицинской академии в числе 15 человек, которые, при входе на кладбище, встретили Суб-инспектора Соколова и переговорив с ним возвратились обратно.

Вслед затем прибыли Студенты Университета технологического Института и несколько человек Медицинской академии — всего около 60-ти человек. Собравшись, они позвали священника, который по их требованию отслужил Литию на могиле Добролюбова.

Отслужив Литию, священник тотчас ушел, собравшиеся же остались у могил, но заметив, что за ними наблюдают много неизвестных им лиц, в числе которых были два субинспектора и Сторож Технологического Института, Надзиратель Университета и кроме них два окологочных Надзирателя (они были в форме) и Пристав с Помощником, — они удалились в совершенно уединенное место и держали себя таким образом, что не только смешаться с ними, но даже подойти близко к ним не было никакой возможности; когда же один из нас решился подойти близко к этой группе, то наблюдающие за ними субинспекторы и другие, окружив, провожали его так, что собравшаяся у могилы группа обратила на него особенное внимание. Вообще демонстраций никаких не было, но видно было, что один из них намерен был произнести речь, чему помешали субинтерны, находившиеся у них постоянно на виду. Разъехались все в два часа. Повидимому, было четыре агента сысской полиции. Из известных Литераторов никого не было, в числе же собравшейся компании была одна нигилистка [Агентурная записка 1871: Л. 1–3].

Очевидно, целью наблюдения агентов были не студенты, а литераторы, по какой-то причине (вероятно, как раз из-за опасения встречи с агентами и прочими профессиональными наблюдателями) на кладбище в годовщину смерти Добролюбова (а наблюдение велось, скорее всего, 17 февраля) не явившиеся. Также стоит отметить, что в поведении студентов не было ничего «революционного»; более того, одной из целей их прихода на кладбище было присутствие на церковной службе. Однако III Отделение отнесло их поведение к категории подозрительных и сочло достойным письменной фиксации и хранения в секретном архиве.

Помимо цитированных выше, немало дел секретного архива III Отделения имеют отношение к литераторам и журналистам. Среди них, например, «Агентурная записка об образе жизни переводчика и корректора Красноперова И. И. 2 июня 1872 г.», «Агентурные записки о наблюдении за газетой “С.-Петербургские ведомости”» и множество других.

Причин такого сугубого внимания III Отделения к литераторам и публицистам можно назвать (хотя бы в качестве гипотезы) несколько, и далеко не все они относятся к области рационального: так, прямую связь

между написанием текстов, их публикациями в периодике и усилением революционных настроений среди читателей установить сложно. В оптике администрации, в том числе тайной полиции, литераторы и журналисты в принципе, по сути своей относились к лицам, жившим и действовавшим вне рамок обыденного. Таким образом, поиск черт необычного, отличающегося от обыденных практик, был для III Отделения действием на опережение, своеобразным методом вычисления и предотвращения неблагонадежной, а в перспективе — и антиправительственной активности. Что же касается наблюдения за кладбищами и посетителями могил, возможно, к рассматриваемому в статье времени оно стало традиционной, привычной агентурной практикой еще со смерти А. С. Пушкина.

Здесь же стоит упомянуть о нескольких аспектах, связанных с литературой и журналистикой среды — второй половины XIX в. и с пристальным вниманием III Отделения к ним. Отчасти это настороженное внимание было данью неизжитому романтическому представлению о писателе (поэте) как носителе собственной этической системы, принципиально не подчиняющемся общепринятым законам. К тому же в России писатель традиционно был центром внимания, не просто «художником и мастером слова», не просто «создателем смыслов», но фигурой почти пророческой или по крайней мере представляющей поведенческую модель. Следовательно, поведение писателя (или журналиста) могло считываться как потенциальный заразительный пример для читателей.

«Сканирование» III Отделением литераторов в равной (если не в большей) мере распространялось и на редакторов периодических изданий. Как известно, в середине — второй половине XIX в. абсолютное большинство литературных произведений впервые появлялось в периодике, прежде всего в литературных, так называемых толстых журналах, и связь литератора и редактора-издателя была весьма тесной. Кроме того, журналистика в рассматриваемый период уже привычно относилась к сферам, имевшим значительное влияние, и, несмотря на наличие множества цензурных запретов, полностью властными структурами не регламентировалась. Формально произведения могли соответствовать всем пунктам цензурного устава, однако косвенно, намеками, эвфемизмами и всевозможными средствами эзопова языка транслировать нечто иное, запретное (по крайней мере, именно таково было мнение цензурных и надзорных ведомств). Отсюда также возникало внимание ко всему необычному и не совсем ясному, хотя и прямо не запрещенному, в текстах писателей. Возможно, такой административный подход инерционно практиковался со времен предшествовавшего николаевского правления, когда внимание цензоров привлекали все «туманные» и непонятные им места, найденные в текстах [Лемке 1904: 234].

Одним из известных литераторов, ставшим фигурантом нескольких дел III Отделения, стал писатель Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895), наиболее известный широкому читателю как автор романа «Петербургские трущобы». С Крестовским было связано немало слухов, сплетен, скандалов и действительно странных событий — так что интерес к его образу жизни со стороны III Отделения не был беспочвен. Порой его поведение выглядело как намеренно выстраиваемая модель

романтического героя, сознательно дистанцировавшегося от привычек и образа жизни «толпы». Он мог бросить литературное творчество и уйти в армию, несколько раз участвовал в дуэлях (или по крайней мере инициировал их), ради сбора материалов для романа переодевался в лохмотья и вполне достоверно играл роль бродяги в самых опасных притонах Петербурга; даже бракоразводный процесс его сопровождался громким скандалом. Современники вспоминают и совсем экстравагантные вещи. Типичная история о Крестовском выглядит примерно следующим образом. Во время сотрудничества в газете «Петербургский листок», основанной в 1864 г. А. С. Афанасьевым-Чужбинским — литератором, этнографом, редактором и запойным картежником, — Крестовский некоторое время не получал гонорар и однажды, во время очередного карточного «запоя» редактора, принес ему «кусоч толстой веревки».

— Сейчас, — сказал он шопотом, — в Измайловском полку повесился солдат. Я немедленно отрезал кусок от веревки, на которой он висел, взял извозчика и поспешил к вам, чтобы застать вас, пока вы не ушли в клуб. Вот вам талисман для игрока... Видите, как я люблю вас.

Суеверный, как все игроки, Чужбинский верил, что веревка повешенного приносит счастье в игре, и потому несказанно обрадовался подарку Крестовского.

— Если я сегодня выиграю, — сказал Чужбинский, — я уплачу вам гонорар за прошлую неделю.

Крестовский пошел с ним в коммерческий (купеческий) клуб и был свидетелем счастья, которое, по странной случайности, вдруг улыбнулось Чужбинскому. Мало того, он еще дня три подряд был в выигрыше [Быков 1930: 25].

Позже Крестовский выкрал подарок и мистифицировал доверчивого патрона-картежника.

Надо отметить, что подобных скандальных, конфликтных и забавных историй было немало, но большая их часть III Отделению ни странными, ни опасными не казалась и осталась только в воспоминаниях современников.

Странным тайной полиции казалось другое.

Крестовский рано начал литературную карьеру и поначалу был поэтом и писателем вполне радикальных взглядов, по крайней мере его обличительная гражданская лирика сблизилась с журналом «Искра». По словам одного из современников, он «был либерал при начале своего писательства, и даже либерал очень красный» [Окрейц 1907: 414]. «Красный либерал» писал в то же время и эротические стихотворения, за что получил прозвище «нового Баркова», и изящную лирику «в духе Фета». Публиковался он одновременно в изданиях принципиально разного направления: от «Русского слова» до умеренно-либерального «Русского мира» и легкомысленно-развлекательного «Модного магазина». Возможно, замечания его знакомых современников об удивительном легкомыслии и переимчивости Крестовского были обоснованны.

Уже к 1863 г. взгляды «красного либерала» резко «поправились»: в скандале между «консерваторами» в лице А. Ф. Писемского и радикалами из «Искры»

Крестовский взял сторону Писемского, позже поддержал Н. С. Лескова, а во время польского восстания вполне разделял официальную точку зрения; этого перехода «левые» ему не простили.

К этому времени (1863 г.) относятся первые дела III Отделения о Крестовском — о его чтениях на литературных вечерах и о поведении во время прогулок в Летнем саду: «Агентурные донесения о наблюдении за писателем Крестовским В. В., выступавшим на литературных вечерах с чтением отрывков из своих произведений “Петербургские трущобы”, “Полоса” и демонстративно уклонившимся от приветствия Александра II при встречах в Летнем саду». Получается, что для агентов подозрительными, следовательно, настораживающими явлениями одного порядка были и чтение автором своего произведения, и уклонение от приветствия царственных особ.

Наблюдение за литературными вечерами и чтениями были в порядке вещей для агентов: и литераторы, и их слушатели изначально считались носителями «странного» образа жизни. Дело же о неснятии шляпы в Летнем саду было определено как экстраординарное вне всяких разрядов — за что и попало в секретный архив III Отделения.

14 февраля 1863 г. агент записывал:

Государыня Императрица изволила гулять в Летнем саду с В[еликим] К[нязем] Сергием Александровичем. Там уже гулял литератор Крестовский, замеченный уже три раза в саду во время прогулок Государя. Он с шумом и довольно дерзко прошел мимо Императрицы, не поклонившись Ее Величеству.

Бывший в саду адъютант князя Суворова, Козлов, намерен донести об этом неприличном поступке Крестовского, с тем, чтобы его вызвали в Канцелярию С. Петербургского Военного Генерал-Губернатора [Агентурные донесения 1863: Л. 2 об.–3].

Из краткой заметки стало расти разветвленное дело, и 16 февраля 1863 г. последовала запись:

Литератор Крестовский, не поклонившийся третьего дня, в летнем саду, Государыне Императрице, был вызван вчера к С. Петербургскому Военному Генерал-Губернатору, который ему сделал за это строжайшее замечание, присовокупив, что если о нем дойдут еще какие-либо неблагоприятные сведения, то он чрез 24 часа будет выслан из столицы с жандармами.

Князь Суворов поставил при этом на вид Крестовскому его резкое чтение на литературном вечере 20-го января, для какой цели князь потребовал от С. Петербургского Обер-Полицеймейстера секретную записку об этом вечере, составленную в 3-м отделении.

Крестовский вышел от князя Суворова совершенно бледный [Там же: Л. 4–4 об.].

Таким образом, не нарушив формально никаких запретов, литератор Крестовский был отмечен III Отделением как носитель странного, не вписывающегося в установленные, подразумеваемые нормы поведения,

и далее избавиться от этого внимания со стороны ведомства не мог десятилетиями.

Примечательно, что, несмотря на явный испуг, Крестовский не внял угрозам и продолжил свой романтический афронт. 4 марта агентом сообщалось:

Литератор Крестовский, которому Князь Суворов сделал недавно строгое внушение за то, что он при встречах с Государынею Императрицею, не поклонился Ее Величеству, вновь замечен был, в м[инувшую] субботу, в летнем саду во время прогулки там Государя Императора с Государынею Императрицею, мимо которых он пошел, не сняв шляпы.

В тот же день агент наш видел Крестовского в библиотеке Серно-Соловьевича, где он разговаривал с Пыпиным и еще каким-то господином.

Из слов Крестовского агент мог только уловить следующую фразу: «я там бываю каждый день: там можно по крайней мере “всех” узнать».

Адъютант Военного Генерал-Губернатора Козлов, которому было сообщено о новом неприличном поступке Крестовского в летнем саду, намеревался доложить о том Князю Суворову [Там же: Л. 5–6].

Возможно, цель прогулок Крестовского в Летнем саду, где особы царской фамилии неизбежно были окружены агентами и полицией, состояла и в сборе «типов» этих последних для своих произведений, однако причина его отказа в обычном знаке приветствия все же неясна. Из города, впрочем, Крестовского не выслали.

Роман «Петербургские трущобы» принес Крестовскому большую известность. Роман печатался в журнале «Отечественные записки» (1864–1866) еще при редакторе А. А. Краевском, некоторые отрывки — в журнале «Эпоха» (1864). Эта авантюрная драма в духе «Парижских тайн» Эжена Сю повествовала о жизни великосветских развратников и их несчастных внебрачных детей, жестокостью судьбы и родителей брошенных на дно петербургского общества. При этом в авантюрно-приключенческую рамку Крестовский вставил множество описаний всевозможных типов и локаций петербургского дна. Зарисовки уголовников, мошенников, нищих, обитателей притонов, падших женщин, борделей, «малин», ночлежек и трактиров были сделаны им с натуры. Для достоверности этих портретов и зарисовок Крестовский переодевался и сам ходил по притонам и злачным местам, что также не было обойдено вниманием III Отделения. Эти посещения трактовались ведомством как примеры экстраординарного поведения, которое в оптике администрации было связано с революционной активностью и вполне могло ее инициировать.

11 мая 1863 г. агент писал:

Вследствие дошедших слухов, что либеральная партия, для начала переворота, рассчитывает на празднующихся, бродяг и мошенников и что с этою целию агенты ее стараются сблизиться с

подобными людьми, поручено было агенту поверить эти слухи. — Агент узнал, что литератор Крестовский* (слева на полях сноски карандашом: «который не поклонился в Летнем саду 2 раза Их Величествам, и был призывает Князем Суворовым». — С. В.) ходит по всем притонам мошенников, но, как его уверили, с целью собрать материалы для романа. Его уверили, что Крестовский получил даже доступ в самые тайные притоны мошенников и сошелся со многими из них хорошо; что ему будто бы при этом оказано содействие полицией, в особенности со стороны пристава 3-й части; что он для подобного путешествия одевается в отрепья, и что между мошенниками он слывет за беспаспортного и один из них, известный под именем «тайного глаза», промышляющий подделкою паспортов, составил даже таковой паспорт и для Крестовского, что будто бы и известно полиции.

Если это сведение основательно, то Крестовский, образ мыслей которого известен, может иметь весьма вредное влияние на классы людей, способных на всякие преступления [Агентурные донесения 1863: Л. 8–9].

Здесь обращает на себя внимание ясно артикулированное мнение III Отделения: литераторы могут распространять дурное влияние даже в среде уголовников. Также отмечу, что сведения о «содействии» Крестовскому высоких полицейских чинов были правдивы.

С романом «Петербургские трущобы» связан еще один случай фиксации экстраординарного: это единственное художественное произведение в русской литературе (за время существования III Отделения), где фигурирует это учреждение тайной полиции, и пройти незамеченным подобное не могло. Напрямую III Отделение в романе не упоминается, но по сюжету в некое безымянное учреждение «у Цепного моста»¹ (*sapienti sat!*) попадает один из положительных героев, некий Бероев, несправедливо обвиненный.

Обширное дело о (безымянном) упоминании в художественном произведении III Отделения и некоторых его служащих, в том числе высокопоставленных, может быть ярким примером чуткости администрации уже пореформенного времени к «странному» и «необычному», при этом не нарушающему никаких законов и уставов. III Отделение и его работники были выписаны Крестовским в романе очень осторожно и даже положительно (они предельно вежливы и корректны, а пребывание Бероева в заключении похоже на отдых в хорошей гостинице), однако и это показалось администрации странным.

Дело было инициировано не III Отделением, а Главным управлением по делам печати, традиционно тесно, впрочем, сотрудничавшим с тайной полицией.

Разбирая первую ноябрьскую книжку «Отечественных записок» (в это время выходивших дважды в месяц), 30 октября 1865 г. цензор писал:

¹ III Отделение располагалось в доме неподалеку от Цепного моста (теперь — Пантелеймоновский), отчего и получило соответствующее неофициальное название.

В романе Петербургские Трущобы, одному из действующих лиц, Г. Бероеву, враги его подкидывают на квартиру несколько экземпляров Колокола, подозрительную переписку, нечто вроде прокламации к Русскому народу (стр. 79 и др.) и литографский камень. Обо всем этом доносят в 3-е Отделение, которое в ту же ночь арестует Бероева.

Описание шпионов и их агентов (стр. 66–93), ночной арест (56–69 стр.), содержание арестанта в 3-м отделении (хотя не названном прямо, но определяемом совершенно ясно по местности и другим признакам) (стр. 63–69) и допрос там обвиняемого, произведенный генералом (по-видимому начальником) (стр. 93–98) и, наконец, перевозка в Петропавловскую крепость, переход в рavelин, где содержатся политические преступники и заключение там в каземате, — описано с полною подробностью.

Хотя жандармские офицеры и все личности, встреченные обвиняемым в 3-ем отделении, отличаются порядочностью и гуманностью, но самый излишек этой, по словам автора, материнской заботливости (стр. 64) при ярком изображении всей глупости действий шпионов и их агентов, не может оставить в читателе благоприятного впечатления, особенно при виде несчастного Бероева, обвиненного совершенно несправедливо.

Хотя по цензурным правилам эта статья не только не может подлежать аресту, но даже не представляет достаточных поводов к судебному преследованию, но как здесь выводятся на сцену действия 3-го отделения собственной Его Величества канцелярии, чем в нашей литературе еще не было примеров, то не зная на этот предмет взгляды высших административных властей, я считал необходимым иметь честь представить это обстоятельство Вашему Превосходительству, присовокупив, что означенная книжка Отечественн[ых] Запис[ок] получена мною из Канцелярии Комитета вчера, 29 октября, в 3 часа пополудни [Дело 1866: Л. 1–1 об.].

Вопрос был сложный: с одной стороны, формальному запрету и санкциям подвергать журнал было нельзя, с другой — оставлять просто так дело было невозможно.

Председатель петербургского цензурного комитета А. Г. Петров также пребывал в сомнении: по его мнению, книжка «Отечественных записок» не «могла быть подвергнута аресту», равно как «едва ли может быть место судебному преследованию». «Хотя 3-е Отделение и личный его состав не порицаются и в этом замаскированном виде, но весь этот арест вследствие глупого заговора частных лиц и содействия им шпионов производит тяжелое и неприязненное для Правительства впечатление на читателя», — размышлял он [Там же: Л. 2].

Чувство странного взяло верх над цензурным уставом и легальным судопроизводством, и были приняты суровые меры пресечения. 31 октября Санкт-Петербургский обер-полицеймейстер генерал-лейтенант И. В. Анненков сообщил в Главное управление по делам печати следующее:

Вследствие отношения Главного Управления от сего числа за № 356 полученного мною в 5-м часу утра, в то же время был коман-

дирован Дежурный офицер Подпоручик Агафонов в типографию Краевского, где опечатаны все готовые листы Ноябрьской книжки журнала «Отечественные записки», а также и все формы с набором; а как при этом дозано, что сверх того имеются готовые листы и у переплетчика Хилениуса, то и у сего последнего они также опечатаны. Составленные при этом два акта, об опечатании листов и форм в типографии Краевского и готовых листов у переплетчика Хилениуса за надлежащими подписями при сем имею честь препроводить в Главное Управление по делам печати на зависящее распоряжение; упомянутые же в актах два экземпляра Ноябрьской книжки «Отечественные записки» находятся у меня и будут доставлены вслед за сим [Там же: Л. 5–5 об.].

Если в типографию Краевского полиция пришла «в пятом часу утра», то домой к переплетчику пришли в восемь и арестовали опечатанные к тому времени листы № 21 «Отечественных записок» — 4000 экземпляров. В тот же день в Главное управление цензуры поступила просьба от «редакторов-издателей» (написанная рукою Краевского) «о дозволении уничтожить все опечатанные листы, содержащие в себе эту статью г. Крестовского, приказав сделать распоряжение, чтобы полиция освободила от запрещения как опечатанные листы 21-го №, за исключением статьи г. Крестовского, так и типографский набор листов еще ненапечатанных». Редактор также обещал стереть все следы крамольных глав: «оберточный лист будет новый и на нем не будет в общем заглавии упомянутого романа В. Крестовского» [Там же: Л. 3–3 об., 8].

Последующая обширная официальная переписка между ведомствами завершалась отношением Главного управления по делам печати к Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору (под грифом «конфиденциально») с личной подписью «Министра Внутренних Дел Статс-Секретаря Валуева» [Там же: Л. 14–15]. Вполне возможно, что благоприятное для «редакторов-издателей» решение вопроса о «странных» главах романа в журнале было связано с личным благоволением Крестовскому Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора князя А. А. Суворова (именно он предоставлял писателю разрешения на свободный вход в тюрьмы и больницы для добычи материалов для романа) [Селезнев 2004: 216].

Дело об аресте глав романа «Петербургские трущобы» весьма обширно (помимо переписки и основных документов, оно содержит многочисленные рапорты и акты о том, что с крамольными листами действительно поступили в согласии с резолюциями высших чинов) и может быть свидетельством предельно серьезного отношения администрации к «странным» случаям в практике. Многострадальный роман «Петербургские трущобы» и позже подвергался гонениям, однако это были уже вполне «обычные» претензии со стороны цензурного ведомства.

С личностью Крестовского связаны и дела III Отделения, демонстрирующие более локальные по хронологическим отрезкам сдвиги в оппозиции «конвенционального» и «странного», т. е. вновь — подозрительного. Таковы, например, заметки агента о внешнем виде писателей, участвовавших в чтении на одном из литературных вечеров в январе 1865 г. «Новый» писатель в

оптике служащих тайной полиции должен был соответствовать выбранному литературному направлению и своими визуальными характеристиками.

На вечере из известных литераторов, кроме Вс. Крестовского, никого не было.

Замечательно, что все читавшие литераторы и распорядившиеся вечером были одеты весьма прилично и даже щеголевато, и таким образом дали повод думать, что они выделались из той среды литераторов-либералов, которые принятые в обществе условия приличия считают вещь враждебной умственному развитию [Агентурные донесения 1864–1868: Л. 12].

В историко-культурном контексте середины 1860-х годов «обычным», привычным и растиражированным «новым» литератором стал «нигилист» — неопрятный, подчеркнуто небрежно одетый и программно презирующий принятые правила хорошего тона, некий усредненный Базаров от литературы. Автор донесения отмечает эту странность: отнесенный тайной полицией к «либералам» Крестовский одевается как носитель консервативных идеалов в литературе. Интересно, что агент не ошибся: к этому времени Крестовский уже далеко отошел от «левого» берега к правому. Впрочем, в случае с Крестовским, придерживавшегося романтического отношения если не к собственным текстам, то к выстраиванию своего образа, эти оппозиции не всегда срабатывали: современники неизменно описывали его как франта. «Красивый, франтовски одетый, с изящной тросточкой, в лаковых ботинках, он, хотя и хлыщеватый на вид, не производил неприятного впечатления (...) Молодой, экспансивный, большой аристократ в душе, франт, со стеклышком в глазу, мастерски его взбрасывающий, производил приятное впечатление своей добротой...», — свидетельствует уже цитировавшийся здесь Быков [1930: 27].

В 1868 г. Крестовский принципиально меняет свою карьеру и жизнь: он становится юнкером в уланском полку (вероятно, отчасти из-за материальных соображений: печататься в журналах было сложно), позже выслуживается до офицера, пишет «Историю 14-го уланского Ямбургского полка» (снабдив книгу посвящением «державному шефу»), заслуживает одобрение начальства и повышение по службе, позже пишет историю еще одного полка.

III Отделение было учреждением консервативным и неохотно меняло отношение к людям, однажды попавшим в его круг наблюдения. Зарекомендовав себя «странным», т. е. подозрительным, его объект даже после очевидной эволюции в «благонадежную» сторону долго оставался под наблюдением. Так, Крестовский после своих эксплицитно «антирадикальных» публикаций, открытого разрыва с «демократами» и устойчиво идущей в гору военной карьеры продолжал быть объектом пристального внимания III Отделения.

Последним по хронологии «крестовским» делом, хранящемся в секретном архиве (1875–1876), стали донесения о бракоразводном процессе и скандалах, с ним связанных. Само название дела («Агентурные донесения о бракоразводном процессе поручика Крестовского В. В., намеревавшегося жениться вторично на танцовщице Числовой, об оскорблении им присяжного

поверенного Соколовского и об откликах Петербургских газет на это событие») говорит о том, что от «прежнего» Крестовского осталось немало.

Донесение агента похоже на сводку полукриминальной хроники, где фигурируют драки, оскорбления и даже кровосмешение как основание для развода:

Сейчас получено достоверное сведение о следующей истории, уже успевшей огласиться в городе: во время разбирательства в суде, при закрыты дверях, дела известного писателя поручика Всеволода Крестовского с женою, которая обвиняется им в кровосмешении. Присяжный поверенный Соколовский (известный своими крайне радикальными идеями) сказал в речи несколько оскорбительных слов для брата Всеволода Крестовского, который поэтому явился в квартиру Соколовского с требованием удовлетворения. Когда тот отказался удовлетворить его требование, то г. Крестовский ударил Соколовского шляпою по лицу. Соколовский послал за дворником и городовым. Те явились. Тут Крестовский сказал, что же вы не заявили, что я вас ударил по лицу. На это Соколовский ответил: «вы меня не ударили, а только шумели в чужой квартире».

Тогда Крестовский снова подбежал к Соколовскому: «Ну, так вот вас еще при официальных свидетелях». И при этом ударил его по лицу кулаком и шляпою.

В настоящее время дело поставлено это в такие условия, что между поименованными лицами должна состояться дуэль.

Секундантом Крестовского, по-видимому, будет редактор «Русского Мира» (еще неутвержденный) Ф. Н. Берг, который пока хлопочет о том, чтобы придать гласность всему изложенному происшествию путем печати [Агентурные донесения 1875–1876: Л. 1–1 об.].

К большому сожалению исследователя архивов, далее в деле нет сведений ни о его исходе, ни о «кровосмешении». Очевидно, впрочем, что дело было действительно нетривиальным и тем самым обратило на себя интерес III Отделения.

Так или иначе, развод состоялся, ни на какой танцовщице Крестовский не женился, а позже устроил свою судьбу на разумных основаниях, соединившись браком со вдовой своего предшественника по службе.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Крестовский был военным корреспондентом (одним из первых в русской истории), в 1880–1881 гг. он стал секретарем при начальнике Тихоокеанской эскадры, а с 1882 г. — чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе М. Г. Черняеве.

Во время своей карьеры Крестовский не оставил литературного поприща. В конце 1860-х годов он пишет два антинигилистических романа — «Панургово стадо» и «Две силы». Романы публиковались в консервативном «Русском вестнике» М. Н. Каткова, что само по себе было красноречивым свидетельством о характере эволюции их автора, и заслужило жестокие порицания со стороны «демократов». На этом в своем движении «вправо» Крестовский не остановился и написал трилогию под общим (условным) названием «Жид идет»: «Тьма египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала» (печатая их в том же «Русском вестнике», 1888–1891).

Эта часть карьеры и библиографии Крестовского не нашла отражения в делах III Отделения. Вероятно, с точки зрения этого ведомства, странное и экстраординарное уступило «нормальному» ходу вещей и образу жизни.

* * *

«Дела» Крестовского вполне могут рассматриваться как показательный «кейс» для определения тех границ между «обычным» и «экстраординарным», которыми руководствовалось III Отделение.

Это ведомство более полувека пристально следило за обществом, чутко реагируя на то, что выступало за грани конвенционального, таким образом присваивая себе дополнительную, неартикулированную и официально не регламентированную функцию — проведение границы внутри полностью легитимного поля, отделяя «обычное», конвенциональное, — и «необычное», трактуемое как потенциально антигосударственное. Критерием разделения служили не юридически определенные нормы и уставы, а субъективное понимание этического и «нормального» у высших и средних чинов III Отделения.

Однако длительный срок принципиального, программного нахождения вне четких рамок закона и жестких критериев дозволенного не мог не сказаться на самой системе и духе ведомства. В 1870-е годы принципиальные незаконные практики этого института становились все более непопулярны, а программная установка на личное благородство и добродетели его служащих не могла считаться действенной даже его руководством. Граф Бенкендорф в письменной инструкции чиновникам заявлял: «Свойственные вам благородные чувства и правила несомненно должны вам приобрести уважение всех сословий, и тогда звание ваше, подкрепленное общим доверием, достигнет истинной своей цели и принесет очевидную пользу Государству», и был уверен, что о невзгодах и проблемах его подчиненные будут узнавать «без сомнения даже по собственному влечению <...> сердца» [Инструкция 1889: 396–397]. Через полвека после основания тайной полиции его руководство вряд ли могло надеяться на реализацию подобных идей.

И III Отделение, и его принципы стали мишенью для сатиры:

У Цепного моста	«Батюшки! нет мочи! —	Право на бесправье!..
Видел я потеху:	Говорил лукавый. —	Этак скоро, братцы,
Черт, держась за пузо,	В Третьем отделеньи	Мне за богословье
Помирал со смеху.	Изучают право!	Надо приниматься (1872).

[Шумахер 1937: 259]

Длительное нахождение вне правил и законов, устанавливающих (среди прочего) и границы субъективного вмешательства, ожидаемо ввели в функционирование института хаос и смуту, прогрессирующие во времени. В 1880 г. III Отделение было расформировано.

Источники

Агентурная записка 1871 — Агентурная записка о посещении студентами могил
Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Решетникова. 21 ноября 1871 г.
(ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 2130).

- Агентурные донесения 1863 — Агентурные донесения о наблюдении за писателем Крестовским В. В., выступавшим на литературных вечерах с чтением отрывков из своих произведений «Петербургские трущобы», «Полоса» и демонстративно уклонившимся от приветствия Александра II при встречах в Летнем саду. 11 февраля — 11 мая 1863 г. (ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 1992).
- Агентурные донесения 1864–1868 — Агентурные донесения о наблюдении за литературными вечерами, публичными чтениями и лекциями. 17 февраля 1864 — 12 октября 1868 г. (ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 2005).
- Агентурные донесения 1871 — Агентурные донесения о наблюдении за «Волковским кладбищем», о похоронах писателя Решетникова и о систематическом посещении Благосветловым Г. Е., Стефановским, Спешневым и др. могил Белинского В. Г., Добролюбова Н. А., Писарева Д. И. 13 марта — 17 ноября 1871 г. (ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 2126).
- Агентурные донесения 1875–1876 — Агентурные донесения о бракоразводном процессе поручика Крестовского В. В., намеревавшегося жениться вторично на танцовщице Числовой, об оскорблении им присяжного поверенного Соколовского и об откликах Петербургских газет на это событие. 4 апреля 1875 — 23 апреля 1876 г. (ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 2163).
- Быков 1930 — *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.
- Дело 1866 — Дело о рассмотрении глав романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», печатавшегося в журнале «Отечественные записки»; о наложении ареста на № 21 журнала и уничтожении отпечатанных для этого номера листов романа. 30 октября 1865 г. — 6 октября 1866 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 140).
- Инструкция 1889 — Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику «Третьего отделения» // Русский архив. 1889. № 7. С. 396–398.
- Окрейц 1907 — *Окрейц С. С.* Из воспоминаний. // Исторический вестник. Т. 108. № 5. 1907. С. 396–419.
- Островский 1974 — *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М.: Искусство, 1974.
- Шумахер 1937 — *Шумахер П. В.* Стихотворения и сатиры. Л.: Сов. писатель, 1937.

Литература

- Лемке 1904 — *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Книгоизд-во М. В. Пирожкова; ист. отдел, 1904.
- Мироненко, Фриз 1994 — Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель Ред. С. В. Мироненко, Г. Л. Фриз. Т. 1: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX вв. М.: Благовест, 1994. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/21>.
- Селезнев 2004 — *Селезнев Ф. А.* Трущобы Всеволода Крестовского // Москва. 2004. № 6. С. 213–226.
- Сидорова 1995 — *Сидорова М. В.* Штаты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Из глубины времен: Альманах. Вып. 4. 1995. С. 3–11.
- Сидорова, Щербакова 2006 — *Сидорова М. В., Щербакова Е. И.* Предисловие // «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сб. документов / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Рос. Архив, 2006. С. 5–16.

References

- Lemke, M. K. (1904). *Ocherki po istorii russkoi tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletia* [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the 19th century]. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo M. V. Pirozhkova; istoricheskii otдел. (In Russian).

- Mironenko, S. V., Friz [= Freeze], G. L. (Eds.) (1994). *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii: Putevoditel'* [State Archive of the Russian Federation: A guide], (Vol. 1) *Fondy Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii po istorii Rossii XIX — nachala XX vv.* [Funds of the State Archive of the Russian Federation on the history of Russia of the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Blagovest. Retrieved from <http://guides.rusarchives.ru/node/21>. (In Russian).
- Seleznev, F. A. (2004). Trushchoby Vsevoloda Krestovskogo [Vsevolod Krestovsky's Slums]. *Moskva* [Moscow], 2004(6), 213–226. (In Russian).
- Sidorova, M. V. (1995). Shtaty III Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kant-seliarii [Staff of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. *Iz glubiny vremen: Al'manakh* [From the depths of time: Almanac], 4, 3–11. (In Russian).
- Sidorova, M. V., Shcherbakova, E. I. (2006). Predislovie [Preface]. In M. V. Sidorova, E. I. Shcherbakova (Compls.). *Rossia pod nadzorom: otchet'y III otdeleniia 1827–1869: Sbornik dokumentov* [Russia under surveillance: Reports of the Third Section, 1827–1869: Collection of documents], 5–16. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury; Rossiiskii Arkhiv. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Светлана Михайловна Волошина

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*

Information about the author

Svetlana M. Voloshina

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Center for Cultural Studies,
School for Advanced Studies
in the Humanities,
Institute for Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*